

А. Е. Белоножкин
**Северный модерн
и архитектура Ленинграда
1920–1950-х годов**

В статье впервые рассматривается проблема влияния одного из значимых стилевых направлений в русской архитектуре начала XX в. – северного модерна – на архитектуру Ленинграда конца 1920-х – 1950-х гг. Данная тенденция проявляется в обращении к облицовке нижней части фасадов камнем скальной фактуры, преимущественно гранитом, а также к мотивам северной флоры и фауны в скульптурном декоре. При этом специфическая каменная облицовка находит более частое применение, нежели скульптурный декор, а указанные мотивы чаще используются в жилых, нежели общественных зданиях. В постройках довоенного времени еще достаточно силен дух эксперимента, тогда как в послевоенных всецело господствуют традиционалистские тенденции (в частности, исчезает скульптурный декор). Немногочисленная, но представительная группа памятников в целом позволяет констатировать наличие в архитектуре Ленинграда конца 1920-х – 1950-х гг. регионального своеобразия.

Ключевые слова: северный модерн; модернизм; неоклассицизм; стилистические реминисценции; природные мотивы; архитектурный декор; скульптурный декор; природный камень

Белоножкин Алексей Евгеньевич

Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина.

Доцент кафедры истории архитектуры и сохранения архитектурного наследия.

Кандидат искусствоведения;

профессор Международной академии архитектуры,
отделение в Москве (МААМ).

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 17.

E-mail: aleksej1764@yandex.ru

ORCID iD 0009-0008-0511-7052

Alexey Belonozhkin
**National Romanticism
and the Architecture of Leningrad
in 1920s–1950s**

The article for the first time considers the problem of the influence of one of the significant stylistic trends in Russian architecture of the early 20th century – National Romanticism (Art Nouveau) on the architecture of Leningrad in the late 1920s – 1950s. This trend is manifested in the appeal to the cladding of the lower part of the facades with rock texture stone, as well as to the motifs of northern flora and fauna in sculptural decor. A material

such as granite is mainly used for cladding. At the same time, specific stone cladding finds more frequent use than sculptural decoration, and the above mentioned motifs are more often applied in residential than public buildings. The spirit of experiment is still quite strong in pre-war buildings, whereas in post-war structures traditionalist tendencies completely prevail (in particular, sculptural decor disappears). A small but representative group of monuments allows us to state the presence of regional originality in the architecture of Leningrad in the late 1920s – 1950s.

Keywords: National Romanticism; Modernism; Neo-Classicism; stylistic reminiscences; natural motifs; architectural decoration; sculptural decoration; natural stone

Belonozhkin, Alexey

St Petersburg Repin Academy of Arts.

Associate Professor of the Department of History of Architecture and Preservation of the Architectural Heritage.

PhD in Art History.

Professor of International Academy of Architecture, Moscow Branch (IAAM)

Russia, 199034, St Petersburg, Universitetskaya nab., 17.

E-mail: aleksej1764@yandex.ru

ORCID iD 0009-0008-0511-7052

Было бы наивно думать, что с изменением эстетических предпочтений стиль и стилевые направления предшествующего периода безвозвратно уходят в прошлое. Напротив, они продолжают свое существование, но зачастую неявно, скрытно, приобретая характер рудиментов новой художественной системы. Такая участь постигла и одно из наиболее значимых направлений в архитектуре русского модерна – северный модерн, перешедший в советский период на «полулегальное положение». Влияние северного модерна на архитектуру Ленинграда прослеживается на протяжении почти всех семи советских десятилетий – с конца 1920-х до начала 1990-х гг. и проявляется исключительно в двух основных приемах:

1) облицовка цоколя или цокольного яруса фасада каменными (преимущественно гранитными) блоками или плитами грубой фактуры либо гранитной щепой;

2) обращение к мотивам северной флоры и фауны в скульптурном декоре¹.

Ленинградские постройки с реминисценциями северного модерна целесообразно разделить на две группы, соответствующие двум периодам:

Первый – конец 1920-х – первая половина 1950-х гг. – генетически связан с двумя значимыми тенденциями архитектуры

эпохи модерна: рационалистической и неоклассицистической – и, судя по всему, полным разрывом профессиональных связей мастеров архитектуры со странами Балтийского региона (в первую очередь, Финляндией);

Второй – 1960-е – начало 1990-х гг. – совпадает с периодом возрождения модернистских, а позднее и ретроспективных тенденций и возобновлением профессиональных контактов зодчих с коллегами из Финляндии и Швеции.

В конце 1920–1950-х гг. стимулы для появления северных реминисценций в архитектуре Ленинграда были поистине ничтожны.

Разумеется, говорить о каких-либо интенсивных и регулярных культурных связях с Финляндией, родоначальницей северного модерна (национального романтизма), после объявления страной независимости в декабре 1917 г., краха коммунистического териокского правительства и закрытия в 1918 г. российско-финляндской границы не приходится. Более того, потенциальная опасность, исходившая от северного соседа, граница с которым проходила недалеко от Ленинграда, привела в середине 1930-х гг. к возникновению и началу реализации идеи переноса административного центра города на юг, в район современной Московской площади. Не стимулировали культурного обмена и последующие события Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., а также советско-финское противостояние 1941–1944 гг. в Великой Отечественной войне. Впрочем, в самой Финляндии с 1932 г. функционировало Общество сближения с СССР, организовавшее крупные выставки советской графики в Хельсинки и финского искусства в Государственном музее изобразительных искусств в Москве. Одним из значимых результатов деятельности Общества стала работа в 1932–1933 гг. членов «Коллектива Мастеров аналитического искусства» – учеников П. Н. Филонова над иллюстрациями к эпосу «Калевала» по заказу ленинградского издательства «Academia» (известно, что половину тиража издания, вышедшего в 1933 г., приобрела Финляндия) [7, с. 36–41; 18, с. 320]. Собственно архитектурные советско-финские контакты возобновляются только в послевоенное время, однако носят весьма специфический характер: в 1944–1953 гг. Финляндия выплачивала Советскому

Союзу репарации в виде сборных деревянных (щитовых и панельных) одно- и двухквартирных жилых домов, предназначенных для городов, разрушенных войной, научных городков и поселков при военных базах [2]. (Советско-финляндский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи был заключен только в 1948 г., а Общество дружбы «СССР – Финляндия» создано лишь в 1958 г. [8, с. 200]. Также во второй половине 1950-х гг. выходит ряд научных и популярных изданий, посвященных скандинавским странам [см.: 13, 14, 16].)

Вместе с тем оценка северного модерна отечественной историко-архитектурной наукой в эти годы была в общем положительной. В частности, в путеводителе по Ленинграду 1931 г. в архитектуре города начала XX в. (правда, по отношению к неоклассицизму) отмечается удачный «новый прием – отделка стен природным диким камнем вместо прежней штукатурки» [9, с. 137]. Из памятников северного модерна как «образчик стиля модерн» там же упомянут «большой дом, б[ывший] Лидваля... в начале ул[ицы] Красных зорь» (Каменноостровского проспекта) с «украшениями в виде филина, ворона на ели, паука на его паутине» [9, с. 253]². В учебнике 1956 г. по истории русской архитектуры в качестве примеров стиля модерн (без уточнения стилистики) приведены в разной степени связанные с северным модерном тот же доходный дом семьи Лидваль³ и Новый Пассаж на Литейном проспекте [4, с. 532–533, 535]. Показательно, что в архитектурном очерке Н. Ф. Хомуцкого «Ленинград» 1953 г. северный модерн не упомянут вовсе [20].

Думается, не будет ошибкой сказать, что в 1920-х–1950-х гг. северные мотивы применяются еще «по старой памяти» – как хорошо себя зарекомендовавшие и давно опробованные, а также как дань местному природному контексту. Не исключено и то, что в какой-то мере обращение к этим мотивам допускал пример особняка Кшесинской – значимого историко-революционного памятника, в облицовке фасадов которого широко использован гранит разных цветов и фактур.

Вопрос о конкретных источниках интерпретаций вплоть до обнаружения неопровержимых свидетельств остается пока открытым.

Однако уже сейчас можно предположить, что применение облицовки цоколя грубо обработанным камнем и обращение к изобразительным северным мотивам вполне могло быть навеяно советским зодчим такими наихрестоматийнейшими памятниками северного модерна, как доходные дома И. Б. Лидваль (корпуса по Каменноостровскому пр., 1–3; 1901–1904, Ф. И. Лидваль), А. Ф. Бубыря (Стремянная ул., 11; 1906–1907, А. Ф. Бубырь, Н. В. Васильев) и Т. Н. Путиловой (Большой пр. П. С., 44 – Стрельнинская ул., 1 – Ораниенбаумская ул., 2; 1906–1907, И. А. Претро). На идею сочетания простых, геометричных форм с характерным каменным цоколем в постройках, близких конструктивизму, могли натолкнуть примеры рационального модерна, в частности доходные дома Козляниновых (ул. Писарева, 10; 1907–1908, А. И. фон Гоген) и Гулиных (пр. Римского-Корсакова, 3; 1914, В. Н. Бобров). Использование фактурного гранитного цоколя из прямоугольных плит в неоклассических постройках 1930-х – 1950-х гг., вероятнее всего, было унаследовано от неоклассицизма начала XX в., в свою очередь испытавшего влияние различных вариантов модерна, включая северный. Такой прием встречается как в первостатейных, так и в более скромных памятниках – доходных домах А. С. Оболянинова (Таврическая ул., 37 – Тверская ул., 2; 1907–1908, А. Ф. Бубырь), Р. А. Дидерихса (Большой пр. П. С., 104; 1912–1914, А. Ф. Бубырь, Н. В. Васильев), А. Н. Тура, С. Н. Мартенс и С. И. Тимашева (ул. Восстания, 3–5; 1913–1914, Г. К. Космачевский), Введенской церкви (Введенская ул., 9; 1912–1913, А. П. Аплаксин), и др.

Первые связанные с мотивами северного модерна примеры построек советского периода появляются в Ленинграде в конце 1920 – начале 1930-х гг.

Необычное для Петербурга сочетание упрощенных форм конструктивизма и фактурного цоколя из красного гранита возникает на фасадах двух угловых зданий: капитально перестроенного под студенческое общежитие главного корпуса подворья Вышневолоцкого Казанского монастыря (Малый пр. П. С., 69 – Подрезова ул., 14; конец 1920-х, Ф. А. Лыхин)⁴ и многоквартирного жилого дома в районе Кирочной улицы (Захарьевская ул., 27 – пр. Чернышевского, 10 (угловая часть); начало 1930-х)⁵, возведенного на месте так и недостроенного

доходного дома⁶. В обоих случаях цоколь сохранился от предыдущей постройки. В первом он – крупномасштабный, однорядный, с поднятыми над окнами перемычками, однако присутствует только на уличных фасадах. Во втором – меньшего масштаба, единый по высоте, но уже на всех фасадах здания: на уличных – из чередующихся отрезков с трехрядной фактурной облицовкой и отрезков с ровной бучардированной поверхностью, на дворовых фасадах и в подворотне – только с фактурной облицовкой в один и два ряда.

В 1930-х гг. северные мотивы обнаруживаются в неоклассических постройках, в разной степени испытывавших влияние ар деко. Здесь они трактуются порой даже с большей остротой и свободой, нежели в начале века; более того, в отличие от построек эпохи модерна допускается соединение стилизованных неоклассических форм с элементами нордического скульптурного декора.

В Доме легкой промышленности (Вознесенский пр., 44–46; 1932–1935, Е. А. Левинсон, И. И. Фомин) в соответствии с эстетикой склонного к композиционным инверсиям ар деко тот же «скальный» цоколь радикально меняет свое положение, превращаясь в набранные из вертикально ориентированных блоков карельского габроналита [5, с. 57] протяженные фризы над витринными окнами. Опорой для визуально массивных каменных лент служат наличники витрин и замковые камни-консоли с грубооколотым торцом, расположенные над входами в торговые залы. (При этом сам профилированный цоколь здания носит облегченный характер.)

Во 2-м учебном корпусе Лесотехнической академии, стоящем на территории ее парка (Институтский пер., 56; 1936–1938, арх. С. Е. Бровцев, инж. А. П. Гоголицын), на лицевых фасадах, отделанных цементной штукатуркой под каменную облицовку, появляются свободно разбросанные по каменной сетке остро нарисованные барельефы-плакетки (ск. Л. А. Дитрих), тематически связанные с назначением здания. На них среди прочих встречаются гротескные изображения еловых ветвей, вороны и белки.

И уже совершенно неожиданно изображения представителей северной фауны (ск. Л. А. Дитрих (?))⁷ возникают на уличных фасадах более серьезных по общему характеру неоклассических

построек – жилых домов Ленсовета на Московском проспекте (д. 206, 208; 1937–1940, А. И. Гегелло, С. В. Васильковский), возведенных на территории нового общегородского центра. В числе мелкомасштабных, реалистично, но упрощенно трактованных фигур, непринужденно «наклеенных» непосредственно на пилоны портиков, легко опознаются медведь, бегущая лисица, грызущая орех белка, глухарь, летящая чайка, осетр и ящерица. Очевидно, данные (в сущности, ироничные) детали были призваны хотя бы отчасти смягчить присущую постройкам суровую монументальность форм⁸, несвойственную жилым зданиям. Впрочем, на тех же фасадах используется контрастирующий со светлыми стенами⁹ мрачноватый двухчастный цоколь из серого гранита [20, с. 13], нижний ярус которого состоит из плит скальной фактуры (другой камень – полированный красный гранит – использован для порталов парадных подъездов и витрин магазинов).

Более спокойный, традиционный, характер получили фасады, а вместе с ними и цоколи, двух других построек довоенного времени: жилого дома для сотрудников института Ленгипротранс (Московский пр., 178; начало 1940-х, автор не установлен)¹⁰ и здания Военно-Морской академии (Ушаковская наб., 17 – ул. Академика Крылова, 1; 1938–1941, А. И. Васильев, А. П. Романовский). В первом мелко модульный трехрядный, с несколько заглубленным верхним рядом цоколь из плит розового гранита смягченной скальной фактуры вносит элемент масштабности в монументализированный строй лицевого фасада (цокольные блоки портала парадной сделаны чуть крупнее). Во втором крупномодульная фактурная каменная облицовка 1–2-го этажей, напротив, усиливает героическую ноту. Причем здесь из блоков серого гранита выполнен не сам цоколь (получивший крупнозернистую поверхность), а цокольный ярус всей композиции, включая не только стену, но и оконные перемычки (за исключением замковых камней 2-го этажа в виде бриллиантового руста).

Представленная в этих постройках традиционалистская тенденция, не предполагавшая каких-либо новаций по сравнению с неоклассицизмом начала XX столетия (а следовательно, и включения

в композицию элементов скульптурного декора), становится основополагающей в 1950-е гг.

Прием крупномодульной гранитной облицовки был унаследован общественными зданиями 1950-х гг., воплощающими в своих формах послепобедные триумфальные настроения. Циклопического размера блоки красного гранита органично сочетаются с гипертрофированно монументальными, помпезными формами «стиля Победы» в зданиях Всесоюзного проектного и научно-исследовательского института комплексной энергетической технологии (ВНИПИЭТ) (Приморский пр., 69 – ул. Савушкина, 82; 1954–1960, И. Б. Орлов, М. И. Левин, Ю. С. Ушаков) и Управления Ленинградского метрополитена имени В. И. Ленина, включающего также вестибюль станции «Технологический институт» (Московский пр., 28; 1955, А. М. Соколов, А. К. Андреев). В огромном здании ВНИПИЭТа нижнюю часть стен усиливает завершенный тесаной полкой крупномасштабный трехрядный цоколь на профилированном основании, оттеняемый облегченной облицовкой стен светлой розовато-желтой керамической плиткой; из гранита выполнены также порталы трех главных входов). В здании Управления метрополитена общая картина сложнее: гранитом облицован весь цокольный ярус средней части главного фасада, однако блоками скальной фактуры (разной длины) – только нижняя, бо́льшая по высоте часть стены (за исключением самого цоколя); выше применяется тесаный камень (в то же время для монументальных порталов используется полированный гранит)¹¹.

В жилых домах второй половины 1940 – первой половины 1950-х гг., построенных на территории как центральных, так и периферийных районов, оглядка на неоклассицизм начала XX в. становится еще заметнее.

Первым среди них следует назвать жилой дом, возведенный в самом центре города – на углу улицы Пестеля и набережной Фонтанки (ул. Пестеля, 1 – наб. Фонтанки, 12; 1947–1949, Е. А. Левинсон, А. А. Грушке). В его массивном, островыразительном цоколе¹², выполненном из красного гранита, скальной фактурой выделены замковые камни окон подвального этажа.

В жилом доме на углу Каменноостровского проспекта и набережной Карповки (Каменноостровский пр., 47 – наб. Карповки, 14; 1952, О. И. Гурьев, В. М. Фромзель) в композицию введен скромный четырехрядный цоколь из розового гранита, завершенный карнизом-полкой. Камни цоколя – разной длины, перемычка над подвальными окнами включает замковый камень и два камня Г-образной формы. Возможно, применение цоколя подобного вида явилось данью архитектурному контексту: неподалеку, на том же Каменноостровском проспекте, находятся такие памятники северного модерна, как доходные дома А. Ф. Циммермана (Каменноостровский пр., 61 – ул. Чапыгина, 2; 1906–1907, Ф. И. Лидваль, А. Ф. Нидермейер) и К. В. Маркова (Каменноостровский пр., 67 – ул. Графтио, 2; 1908, К. В. Марков).

В жилом доме, занимающем угловой участок у пересечения Английского проспекта и улицы Декабристов (Английский пр., 21 – ул. Декабристов, 60; 1952–1953, С. А. Пермский), композиция цоколя похожа на предыдущую, за тем лишь исключением, что для него выбран серый гранит, в композицию введен плинт, карниз получил чуть более сложную профилировку, а блоки отличает изысканная волнообразная обработка поверхности¹³. Другой нюанс состоит в том, что верхний ряд облицовки, включающий оконные перемычки, имеет меньшую высоту, чем два нижних ряда¹⁴. Не исключено, что данный цоколь наряду со штукатурными рустами «под шубу» носит своего рода мемориальный характер, напоминая о некогда стоявшем на этом месте знаменитом доходном доме П. И. Кольцова – «Доме-сказке» (1909–1910, А. А. Бернардацци), сочетавшем на своих фасадах элементы северного модерна и неорусского стиля¹⁵.

Цоколь рядового по расположению в застройке жилого дома на улице Седова, 88 (начало 1950-х, Е. А. Левинсон, И. И. Фомин, С. И. Евдокимов), построенного для завода «Большевик», выглядит еще проще: два ряда плит из серого гранита завершаются карнизом в виде полки¹⁶. И, наконец, предельной лаконичностью отличается цоколь крупного палладианского П-образного в плане жилого дома на улице Фрунзе, 16 (1-я половина 1950-х, автор не установлен). Градостроительная роль здания – формирование западной кулисы

небольшой площади в начале улицы Ленсовета. В отличие от предыдущих примеров гранитная облицовка низа стены «спрятана» здесь во двор и в подворотню. Характер ее различен: на дворовом фасаде восточного корпуса это трехрядная облицовка пьедесталов трех портиков (одного четырех- и двух двухколонных); на том же фасаде, но в пределах стены, а также на аналогичном фасаде северного корпуса – плинт оштукатуренного цоколя; на стенах подворотни – простой однорядный цоколь. Различен и цвет: в отделке используются плиты из розового и серого гранита.

Безусловно, обращение к северным мотивам в архитектуре Ленинграда 1920–1950-х гг. не было массовым явлением. Общественные и жилые здания в рассмотренной группе памятников представлены в различной пропорции: количество первых заметно уступает количеству вторых. Элементы скульптурного декора применяются значительно реже, чем фактурная каменная облицовка нижней части стен, но и тот и другой прием используется как в общественных, так и в жилых зданиях. При этом облицовка почти всегда вводится в композицию только уличных и боковых фасадов, а образующие ее элементы получают правильную геометрическую форму. Однако как бы ни были малочисленны приведенные примеры, они тем не менее позволяют внести некоторые коррективы в общие представления о стилистике архитектуры Ленинграда 20–50-х гг. XX в., выявив в ней – пусть и не сразу различимые – черты регионального своеобразия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Облицовка цоколя либо цокольного яруса фасада применялась и в московской архитектуре 1920–1950-х гг. См., например, здания НКВД (1928–1933, А. Я. Лангман, И. Г. Безруков), газеты «Правда» (1930–1935, П. А. Голосов), Центрального театра Красной армии (1934–1940, К. С. Алабян, В. Н. Симбирцев), жилой дом на Тверской ул., 9 (1946–1949, А. Ф. Жуков) и др. Однако мотивы северной флоры и фауны там не применялись.

² В издании путеводителя 1933 г. сохранилось лишь упоминание «дома Лидваля на Каменноостровском проспекте» – в числе памятников стиля модерн [11, с. 252].

³ Однако в подписи под иллюстрацией дом Лидваля назван домом Циммермана, а его местонахождение указано как «проспект Кирова» вместо

Кировского проспекта [4, с. 532–533]; автором данного раздела учебника был историк древнерусского зодчества москвич П. Н. Максимов.

⁴ Подворье было построено в 1910–1912 гг. по проекту А. П. Аплаклина. В 1907–1917 гг. Ф. А. Лыхин являлся помощником Аплаклина [1, с. 58–59].

⁵ Однако такой прием использовался в произведениях финского модернизма тех лет, например в гостинице «Похьянхови» в Рованиemi и церкви в Каннонкоски (1936 и 1937–1938, П. Э. Бломстедт).

⁶ Этот дом зафиксирован на фотографии 1918–1920 гг. [см.: 22].

⁷ Л. А. Дитрих является автором горельефов в парадных дома [12, с. 13].

⁸ С той же целью на ограждениях балконов размещены «плакетки» с фруктовыми натюрмортами, над входами в парадные – фонари на кованых кронштейнах (утрачены).

⁹ Стены облицованы штукатуркой из белого цемента с доломитовой, по другим сведениям, мраморной крошкой [12, с. 13; 21, с. 13].

¹⁰ Возведен между двумя доходными домами 1-й половины 1910-х гг.

¹¹ В постройке используется гранит Лезниковского месторождения в Житомирской обл. [17, с. 69]. Из него же выполнена облицовка фасадов Мавзолея Ленина.

¹² Этот цоколь, судя по всему, является парафразом цоколя расположенного напротив Михайловского замка.

¹³ На большую часть высоты плинт скрыт слоями асфальта. Из того же серого гранита выполнены обрамления дверных проемов.

¹⁴ В 2010-х гг. со стороны Английского пр. цоколь частично разрушен при устройстве входа в подвальное помещение.

¹⁵ Постройка 1950-х гг. была возведена на фундаментах «Дома-сказки», уничтоженного разрушительным пожаром блокадной зимой 1941–1942 гг. [3, с. 431]. В том же районе Коломны облицовку цоколя двумя рядами плит скальной фактуры получил доходный дом Ф. Н. Тимофеева (Английский пр., 50 – Садовая ул., 103 – Канонерская ул., 24; 1914–1915, Я. М. Коварский).

¹⁶ Нижний ряд плит частично скрыт культурным слоем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белоножкин А. Е. Санкт-Петербургский епархиальный архитектор А. П. Аплаклин. СПб. : Невск. мир : Лики России, 2013. 384 с.
2. Бёёк Н. Финские сборные дома 1944–1953 годов – совместное наследие? Доклад на Третьем петербургском историческом форуме. 9 окт. 2024 г.
3. Боглачев С. В. Петербургский зодчий Александр Бернардацци-младший // Невский архив : Ист.-краевед. сб. СПб. : Изд-во Чернышева, 1999. Вып. 4. С. 426–435.
4. Власюк А. И., Каплун А. И., Брунов Н. И. и др. История русской архитектуры : [Учебник для архит. вузов и факульт.]. 2-е изд., испр. и доп. М. : Госстройиздат, 1956. 614 с.

5. Дом легкой промышленности : арх. Е. Левинсон, И. Фомин // Архитектура СССР. 1934. № 10. С. 56–57.
6. *Жданов А. Н.* Новая и Старая Деревни. М. ; СПб. : Издательство Центрполиграф : Рг-СПб, 2012. 496 с.
7. *Ковтун Е. П.* Н. Филонов и его дневник // Филонов П. Дневники / вступ. ст. Е. Ковтуна, текстол. подгот. И. Лапиной, коммент. Г. Марушиной. СПб. : Азбука, 2000. С. 13–76.
8. *Куприк С. А.* Становление сотрудничества между Выборгским отделением общества дружбы «СССР – Финляндия» и Лаппеенрантским отделением общества «Финляндия – Советский Союз» // Вестн. ф-та социальн. цифр. технологий С.-Петерб. гос. ун-та телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича : Сб. науч.-теор. ст. XXIV Междунар. Балт. коммуникац. форум. 2–3 дек. 2022 г. СПб., 2022. С. 200–203.
9. Ленинград : Путеводитель : История. Экономика. Прогулки по городу. Музеи. Справочник. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. 516 с.
10. Ленинград : Путеводитель: Т. 1: История. Экономика. Культура. М. ; Л. : ОГИЗ соц.-экон. изд-во, 1933. 456 с.
11. *Лисовский В. Г.* Северный модерн : Национально-романтическое направление в архитектуре стран Балтийского моря на рубеже XIX и XX веков. СПб. : Коло, 2016. 520 с.
12. *Оль А. А.* Жилой дом Ленсовета на Московском шоссе // Архитектура Ленинграда. 1941. № 1. С. 9–13.
13. *Похлебкин В. В.* Норвегия. М. : Географгиз, 1957. 80 с. (У карты мира).
14. *Похлебкин В. В.* Скандинавские страны и СССР. М. : Знание, 1958. 39 с. ([Сер. 7, № 8]).
15. *Похлебкин В. В.* СССР – Финляндия : 260 лет отношений. 1713–1973. М. : Междунар. отношения, 1975. 408 с.
16. *Похлебкин В. В.* Швеция. Норвегия. Дания. Исландия. М. : Географгиз, 1956. 32 с. (Страны Европы. Географические справки).
17. *Соколов А. М.* Станции Ленинградского метро. Л. : Гос. изд-во лит-ры по стр-ву и архитектуре, 1957. 132 с.
18. *Струкова А.* «Калевала» школы Филонова: анатомия книги // Искусствознание. 2024. № 1. С. 320–393.
19. *Суворков П. М.* Проспект Чернышевского. СПб. : Белое и Черное, 1999. 128 с.
20. *Хомутецкий Н. Ф.* Ленинград : очерк архитектуры. [М.] : Гос. изд-во лит-ры по стр-ву и архитектуре, 1953. 212 с. (Архитектура городов СССР).
21. *Шабров А. М.* Высокое качество строительных работ // Архитектура Ленинграда. 1941. № 1. С. 14–17.
22. Общественные работы на Воскресенском проспекте. Фотография. 1918–1920 гг. // Retro View of Mankind's Habitat : [сайт]. URL: <https://pastvu.com/p/1676513> (дата обращения: 24.11.2024).

1. Жилой дом. Петербург. Захарьевская ул., 27 – пр. Чернышевского, 10. Начало 1930-х. Автор не установлен. Фасад по пр. Чернышевского. Фрагмент. Фото 2024. А. Е. Белоножкина. 2025
2. Дом легкой промышленности. Петербург. 1932–1935. Арх. Е. А. Левинсон, И. И. Фомин. Главный фасад. Цокольный ярус. Фрагмент. Фото А. Е. Белоножкина. 2015

3. Жилой дом Ленсовета. Петербург. Московский пр., 206. 1937–1940.
Арх. А. И. Гегелло, С. В. Васильковский. Главный фасад. Фрагмент.
Фото А. Е. Белоножкина. 2024

4. Здание Всесоюзного проектного и научно-исследовательского института комплексной энергетической технологии (ВНИПИЭТ). Петербург. 1954–1960. Арх. И. Б. Орлов, М. И. Левин, Ю. С. Ушаков. Главный фасад. Фрагмент. Фото 2018. yandex.ru/maps

5. Здание управления Ленинградского метрополитена имени В. И. Ленина с вестибюлем станции «Технологический институт». 1955. Арх. А. М. Соколов, А. К. Андреев. Главный фасад. Фото С. Е. Смирновой. 2015

6. Жилой дом. Петербург.
Ул. Фрунзе, 16.
1-я половина 1950-х.
Автор не установлен.
Дворовый западный
фасад. Фрагмент. Фото
А. Е. Белоножкина. 2024

7. Жилой дом. Петербург.
Английский пр., 21 –
ул. Декабристов, 60. 1952–
1953. Арх. С. А. Пермский.
Фасад по Английскому пр.
Цоколь. Фрагмент. Фото
А. Е. Белоножкина. 2015

